

С. Ф. Шатилов

Миссионерская деятельность епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии Василия (Бирюкова) в Западной Сибири

УДК 271.2-762-9(571.1)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_308
EDN МКСТУФ

Аннотация: Тема миссионерского служения представителей православного духовенства синодального периода постоянно привлекает внимание исследователей. Свидетельством тому являются многочисленные монографии, научные статьи и диссертационные исследования, посвященные истории миссии. В этой связи несомненно актуальным выступает обращение в предлагаемой статье к миссионерскому служению епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии Василия (Бирюкова; 1871–1921). Цель статьи заключается в попытке автора на основе изучения архивных и других дореволюционных источников впервые раскрыть вклад владыки Василия в развитие православного миссионерства в Сибири, что также составляет несомненную новизну исследования. Автор выявляет духовные истоки его стремления к миссионерскому подвижничеству, подробно освещает и анализирует ранее неизвестные факты служения владыки в Обдорской духовной миссии по просвещению малых народов Севера, его труды по строительству миссионерского стана в местности Хэ на побережье Обской губы, формы и методы, реализуемые отцами-миссионерами на этом поприще, а также трудности, с которыми им приходилось сталкиваться в своей деятельности. Результаты исследования позволяют сделать вывод о высоких духовных качествах личности владыки, миссионерские труды которого являются образцом несения слова Божия всем народам.

Ключевые слова: Тобольская епархия, Ярославская епархия, Рыбинское викариатство, епископ Василий (Бирюков), епископ Агафангел (Преображенский), епископ Антоний (Каржавин), Обдорская духовная миссия, местность Хэ, миссионерство.

Об авторе: **Сергей Фёдорович Шатилов**

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж).

E-mail: sshatilov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3978-2826>

Для цитирования: Шатилов С. Ф. Миссионерская деятельность епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии Василия (Бирюкова) в Западной Сибири // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 308–321.

Статья поступила в редакцию 27.01.2022; одобрена после рецензирования 27.02.2022; принята к публикации 13.03.2022.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2023

Sergey F. Shatilov

Missionary Activity of the Bishop of Rybinsk, Vicar of Yaroslavl Diocese Vasily (Biryukov) in Western Siberia

UDK 271.2-762-9(571.1)

DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_308

EDN MKCTYF

Abstract: In the proposed article, based on materials from a number of federal and regional archives and other Imperial Russian sources, an attempt was made for the first time to restore the main stages of the life path and spiritual ministry of Bishop of Rybinsk, vicar of the Yaroslavl diocese Vasily (Biryukov; 1871–1921) — a representative of an old family of Siberian Orthodox clergy, a student of St. Petersburg Theological Academy, a candidate of theology, a wonderful teacher, mentor and educator of youth, a talented missionary, educator of the indigenous peoples of the North, an excellent preacher, a zealous worshiper and organizer of monastic life, who accepted the cross of confession during the years of the Civil War and Bolshevik persecution of the Russian Orthodox Church. The author details and analyzes previously unknown biographical materials: about the origin of the bishop, his parents, childhood, adolescence and youth, years of study in theological educational institutions, explores the pages of his pedagogical, missionary, scientific and preaching activities, episcopal service and spiritual achievement.

Keywords: Eparchy of Tobolsk, Eparchy of Yaroslavl, Vicariate of Rybinsk, bishop Vasily (Biryukov), bishop Agafangel (Preobrazhensky), bishop Anthony (Karzhavin), Obdorsk Spiritual Mission, Khe area, missionary work.

About the author: **Sergey Fedorovich Shatilov**

Candidate of Philosophy, Assistant Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Military Educational and Scientific Center at the Air Force the “Air Force Academy Named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin” (Voronezh).

E-mail: sshatilov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3978-2826>

For citation: Shatilov S. F. Missionary Activity of the Bishop of Rybinsk, Vicar of Yaroslavl Diocese Vasily (Biryukov) in Western Siberia. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 1, pp. 308–321.

The article was submitted 27.01.2022; approved after reviewing 27.02.2022; accepted for publication 13.03.2022.

До недавнего времени имя епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии Василия (в миру Венедикта Стефановича Бирюкова; 1871–1921), святительство которого совпало с началом большевистских гонений на Русскую Православную Церковь, оставалось практически неизвестным как для подавляющего большинства исследователей, так и для всех интересующихся историей Православной Церкви в нашей стране. Весьма скромные упоминания и краткие сведения о нем содержатся лишь в очень ограниченном количестве опубликованных работ современных российских авторов, посвященных, как правило, истории тех церковных учреждений, с которыми так или иначе была связана жизнь и деятельность владыки [Александр Заркешев, 2002; Герасим Дьячков, 2012; Епископ Рыбинский, 2011].

Исследование материалов российских федеральных и региональных архивов, других источников дореволюционного и советского периодов помогло не только значительно восполнить «белые пятна» жизненного пути владыки, но и восстановить неизвестные ранее страницы его духовного служения. Результаты этих исследований позволяют характеризовать еп. Василия — уроженца Западной Сибири, кандидата богословия, воспитанника Тобольской духовной семинарии и выпускника Санкт-Петербургской духовной академии, как замечательного педагога, наставника и воспитателя юношества, прекрасного проповедника, усердного молитвенника и организатора монашеской жизни. При этом следует отметить, что важнейшее место в духовном наследии владыки занимает его миссионерское служение в Обдорской духовной миссии в Сибири, при подворье Пекинской духовной миссии в Санкт-Петербурге, в самой Пекинской миссии в Китае.

Будучи выходцем из среды православного духовенства — его отец Стефан Александрович Бирюков прошел путь от сельского пономаря до приходского священника в Западной Сибири, будущий владыка с детства впитал азы христианской любви к ближнему. Проявившиеся в годы учебы в Ишимском духовном училище незаурядные познавательные способности, стремление к знаниям, увлечение педагогикой в процессе освоения семинарского курса дидактики, практические занятия с учениками образцовой школы при Тобольской семинарии — все это пробудило в нем желание после окончания семинарии заняться педагогической деятельностью, связанной с обучением и воспитанием юношества.

Успешно завершив в 1891 г. полный курс семинарского образования со званием «студент», Венедикт Бирюков подает прошение на имя епископа Тобольского и Сибирского Иустина (Полянского) о принятии его на должность законоучителя Кирилло-Мефодиевской образцовой двухклассной при семинарии школы и, получив благословение владыки, в сентябре 1891 г. приступает к преподаванию в ней (РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 197. Л. 2). Этот шаг стал первым на пути к его будущему служению на миссионерском поприще.

В конце 1891 г. при образцовой семинарской школе было открыто инородческое¹ отделение, так называемый пансион. Это начальное учебное заведение предназначалось для обучения и воспитания детей народностей Крайнего Севера с целью подготовки из них учителей и псаломщиков для службы на севере Тобольской епархии. Предполагалось, что его выпускники станут проводниками христианского просвещения среди своих сородичей — остяков² и самоедов³ [Об открытии инородческого отделения, 1892, 132]. 1 января 1892 г. Венедикт Стефанович Бирюков был назначен воспитателем в этом учебном заведении (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5254. Л. 8 об. — 9). Частым посетителем пансиона был занявший в 1893 г. тобольскую кафедру еп. Агафангел (Преображенский).

¹ Инородцы — особая категория подданных Российской империи, отличавшаяся по правам и методам управления от остального населения страны.

² Остяки — устаревшее название хантов, угро-финского племени, живущего по Оби, Иртышу и их притокам, в Тобольской губернии и в Нарымском округе Томской губернии.

³ Самоеды — прежнее название ненцев, урало-алтайского племени, живущего в Сибири, в низовьях Оби и Енисея.

Обязательным условием пребывания инородческих детей в пансионе было сохранение знания родного языка. Для этого они должны были общаться между собой на остяцком наречии и вести специальные словари остяцкого языка⁴. Самое деятельное участие в этом процессе принимал и Венедикт Стефанович, поскольку выполнение обязанностей воспитателя требовало знания остяцкого языка. Ежедневная практика языкового общения с воспитанниками на их родном языке позволяла ему успешно осваивать остяцкую речь.

К своим подопечным Венедикт Стефанович относился с большой заботой и вниманием и даже, как отмечал ректор Тобольской духовной семинарии прот. П. Д. Головин, — «вполне по-родственному». Он стремился как можно больше узнать о каждом своем воспитаннике из уст его самого: о его семье и условиях жизни в ней, о его интересах и наклонностях, стремясь понять особенности его характера и причины тех или иных поступков, «с сочувствием относился ко всем проявлениям его жизни» [Головин, 1898, 242].

За время службы в инородческом пансионе, благодаря тесному общению со своими воспитанниками, В. С. Бирюков овладел остяцким языком на достаточно хорошем уровне, а также приобрел некоторые важные знания об особенностях жизни северных народов. Пробудившееся в результате чувство сострадания к незавидной участи вымирающего языческого народа заставило его серьезно задуматься о причинах столь жалкого существования инородцев Севера и путях их выживания, главнейшим из которых он считал необходимость их православного просвещения.

В конце 1897 г. новым архиереем Тобольским и Сибирским Св. Синодом был поставлен еп. Антоний (Каржавин), возглавлявший до этого кафедру викарного епископа в Великом Устюге Вологодской епархии. Назначение нового владыки повлекло за собой череду событий, в корне изменивших жизнь Венедикта Бирюкова.

Ознакомление с новой епархией преосвящ. Антоний начал с обозрения приходов Березовского округа, расположенного в самой северной части Тобольской губернии. Как председателя Тобольского епархиального Комитета православного миссионерского общества, его прежде всего волновала постановка миссионерского дела среди языческих народов Крайнего Севера. С этой целью владыка решил лично посетить Обдорскую духовную миссию⁵ [Софронов, 1998, 220].

Одним из участников поездки стал Венедикт Бирюков, приглашенный в качестве переводчика сопровождать владыку, «как лицо, в достаточной степени знакомое с остяцким языком» [Головин, 1898, 242]. Венедикту Стефановичу представился замечательный случай побывать на Крайнем Севере и непосредственно познакомиться с образом жизни и культурой местного населения.

Владыке и его спутникам предстояло на лошадях и оленьих упряжках преодолеть путь от Тобольска до Березова протяженностью в 1500 верст [Поездка по епархии, 1897, 620].

В ходе поездки Венедикт Бирюков не только исполнял обязанности переводчика, но и по заданию владыки выступал перед инородцами с поучениями на остяцком языке о необходимости для человека овладения Законом Божиим, о важности чтения Св. Писания и церковных молитв, родительской заботы о религиозном обучении детей в школах (Отчет комитета миссионерского общества, 1899, 5).

Инородцы-язычники поразили молодого человека ни столько своим необычным видом и бросающейся в глаза материальной бедностью, сколько добродушием, открытностью и незлобивостью. Именно здесь, под впечатлением увиденного, Венедикт Стефанович принимает окончательное решение стать миссионером и нести слово Божие непросвещенным племенам и народам. Протоиерей П. Головин писал по этому поводу: «Материальное и духовно-нравственное убожество жителей-инородцев

⁴ Остяцких детей среди учащихся пансиона в первые годы его существования было большинство.

⁵ Противоязыческая миссия в с. Обдорское (ныне г. Салехард, Ямало-Ненецкого АО) была открыта в 1854 г. для проповеди христианского учения среди народностей Крайнего Севера.

Обдорского края настолько сильно поразило молодого человека, что он решил бесповоротно посвятить себя на служение меньшей братии севера» [Головин, 1898, 242].

Возвратившись в Тобольск, 26 января 1898 г. он сообщил еп. Антонию о своем намерении стать миссионером и попросил «удостоить его пострижения в монашество», на что получил благословение архиепископа. 4 марта 1898 г. в Тобольском Софийском кафедральном соборе за литургией Преждеосвященных Даров Его Преосвященством еп. Антонием учитель образцовой при Тобольской семинарии Кирилло-Мефодиевской школы, воспитатель инородческого пансиона Венедикт Бирюков был пострижен в монашество с наречением ему имени Василий, в честь святителя Василия Великого (Известия, 1898, № 6, 70). 11 марта в кафедральном же соборе состоялось посвящение его в сан иеродиакона, а 15 марта в домовый крестовой церкви — рукоположение во иеромонаха (Известия, 1898, № 7, 76). Через несколько дней иером. Василий был назначен «на вакансию помощника настоятеля Обдорской миссии» (Известия, 1898, № 7, 75).

Отъезд иером. Василия в Обдорск состоялся 19 марта 1898 г. [Головин, 1898, 242]. Отправился к новому месту служения он вместе с новым настоятелем Обдорской миссии иером. Иринархом (Шемановским)⁶, до этого временно проживавшим в Тобольске.

Село Обдорское, или Обдорск (по-самоедски — Сале-Харат, «Мыс-город»), основанное в 1593 г. в качестве небольшого острога на месте остяцкой деревни, считалось самым северным населенным пунктом Западной Сибири, расположенным на линии Северного Полярного круга, и самым значительным из всех поселений, лежащих под тем же градусом широты. В нем располагалась Обдорская духовная противоязыческая миссия, деятельность которой была направлена на укрепление святой веры и христианской нравственности в уже просвещенных Святым Крещением инородцев и на просвещение светом христианского учения инородцев-язычников, ведущих кочевую жизнь в северных тундрах побережья Северного Ледовитого океана — остяков и самоедов. Они-то и представляли для миссии наибольший интерес.

По данным Обдорской инородческой управы и исповедным росписям приходских церквей, в 1896 г. всех крещеных инородцев — кочующих и живущих оседло остяков и самоедов, в районе Обдорской миссии числилось не более 5 тыс. человек. Общее же количество язычников, как самоедов, так и остяков, составляло около 7 тыс. Почти все они вели кочевой образ жизни, переходя с места на место за своими оленями (Отчет комитета миссионерского общества, 1897, № 10, 161).

Просветительская деятельность нового состава миссии осуществлялась традиционно: во-первых, в самом селе Обдорском, преимущественно в миссионерском храме, а во-вторых — во время специальных поездок в окружающие Обдорск тундры.

Богослужения в миссионерском храме с охотой посещались как местными русскими и зырянами⁷, так и проживающими в селе остяками и самоедами. Священником при миссионерской Всех скорбящих Радости церкви состоял теперь и иером. Василий. В положенные ему воскресные и праздничные дни он совершал службы и поучал своих пасомых инородцев правилам святой веры и добродетельной христианской жизни.

Самым горячим для миссионеров временем были ноябрь, декабрь и январь месяцы, связанные с проведением знаменитой Обдорской ярмарки. Обычно в ноябре и декабре кочевники-инородцы проходили мимо Обдорска, а в конце декабря и январе приезжали на ярмарку. Тогда если не каждый, то самая большая часть из них обязательно посещали миссионерский храм, для того чтобы сделать приклад, крещеные — помолиться, а язычники — обратиться с просьбами к иконе св. Николая и по языческой традиции сделать поворот кругом по солнцу. Именно это время

⁶ Иеромонах Иринарх (Иван Семенович Шемановский) с 1898 по 1910 гг. возглавлял Обдорскую духовную миссию.

⁷ Зыряне — устаревшее название народа коми.

священники-миссионеры считали самым удобным для общения с инородцами и их просвещения.

Наиболее же сложным и ответственным, а иногда и опасным делом в миссионерском служении были летние и зимние поездки членов миссии к своим пасомым — в места постоянного проживания остяков и во временные стойбища самоедов.

Отцы-миссионеры совершали свои поездки в двух направлениях: вверх по реке Оби и вниз — на север. В так называемых «верховских» поездках они имели дело с остяками, в «низовских» — преимущественно с самоедами.

Основными задачами этих поездок были проповедь слова Божия среди язычников, исполнение христианских треб у просвещенных святою верою инородцев-кочевников и сбор инородческих детей школьного возраста для обучения их грамоте в Обдорский инородческий пансион, открытый иером. Иринархом в 1898 г. При этом характер деятельности миссионеров при совершении поездок определялся религиозно-нравственным состоянием православных инородцев и взглядами язычников на христианство [История Обдорской миссии, 1906].

Летние поездки, как правило, совершались на лодках по Оби и ее притокам. Это позволяло полностью снаряжать с собой походную церковь со всеми принадлежностями, начиная с водосвятной чаши с кропилом и заканчивая запасными Св. Дарами.

Зимой же передвигаться приходилось по льду замерзших рек и по тундре только на оленьих упряжках. Из церковной утвари в нартах можно было разместить лишь небольшие предметы. Да и отправлять в это время года в инородческих жилищах полные богослужения не было никакой возможности, поскольку очень скоро юрта или чум наполнялись едким дымом от горящего внутри костра.

Только в течение одного 1898 г. обдорские священники-миссионеры совершили 11 поездок длительностью от одного дня до полутора месяцев, проехав в общей сложности около 6 тыс. верст (Отчет комитета миссионерского общества, 1899, № 10, 23).

Уже во время своих первых летних поездок к инородцам иером. Василию удалось уяснить основной смысл языческих религиозных представлений и отношение их к христианской вере. В своем дневнике он писал: «Я пошел осматривать инородческое капище. <...> Пользуясь случаем, стал беседовать, и для меня несколько выяснилось их религиозное миропонимание. Они глубоко убеждены, что есть Высочайшее существо „Нум“, которое произвело мир и управляет им; только это существо вполне безразлично относится к поведению людей. Назначение человека самое материальное: есть, пить, спать, работать и затем бесследно исчезнуть по смерти. О душе и нравственном воздаянии по смерти нет никакого представления. К почитанию Бога, принесению жертвы и пр. побуждает не глубокая религиозность, а грубый эгоизм, все делается с расчетом — склонить Бога к исполнению своих желаний, к удовлетворению своих нужд. Под влиянием идей христианских инородцы теперь говорят, что молиться все равно, что самоедскому Богу, то и русскому. Бог там на небе, к нему нужно воздевать свои руки, на земле только видимые изображения Бога „сядаи“, то же, что иконы у русских» (Отчет комитета миссионерского общества, 1899, № 11, 25).

В зимние поездки при посещении остяцких юрт о. Василий собирал всех жителей в одну избу, служил в ней вечерню, утреню, часы или молебен. После такой общей молитвы обходил все избушки, исполняя у инородцев христианские требы. Беседовал с ними как при общем богослужении, так и при исполнении треб.

При посещениях кочевников отправлял те же богослужения, но сопровождал их соответствующими беседами, учил молитвам, правильному крестному знаменю, раздавал не имеющим иконы и крестики. В промежутках между службами и требами сверял исповедные росписи с целью отследить демографическую ситуацию: инородцы часто скрывали информацию о своих умерших родичах, погребенных без христианского обряда, и не показывали их могилы.

Отмечал о. Василий и тот факт, что инородцы очень тяготятся наездами к ним миссионеров. Испытать это ему пришлось зимой 1898 г. во время своей поездки с проповедью слова Божия навстречу перекочевывающим в Обдорск

на ярмарку самоедам. «Я пригласил было инородцев, как православных, так и язычников, — пишет он в дневнике, — послушать собеседование, но... остяки не пришли. Когда я спросил их, почему они не желают поговорить о вере, они дерзко заявили: много мы видели священников, многое слышали от них, напрасно вы только ездите, мешаєте нам работать» (Отчет комитета миссионерского общества, 1899, № 11, 24). Замечал он у инородцев и какую-то труднообъяснимую боязнь русских и всего русского. Эту открытую нерасположенность инородцев к духовенству иером. Василий рассматривал в одной связи с отношением их к таинству Крещения, с влиянием шаманов на неутвердившихся в вере, а также и с тем, что проезд миссионеров, как и всех вообще должностных лиц, чреват для них большой потерей трудового времени летом и трудными нежеланными обязанностями ямщиков зимой. Все это значительно осложняло и без того неуспешную во многих отношениях деятельность Обдорской миссии (см.: [Софронов, 2005, 107–110]).

В отчете о деятельности миссии за 1898 г. отмечалось, что обдорские отцы-миссионеры «проявили усиленную проповедническую деятельность: так, о. Василий во время летней своей поездки, продолжавшейся 37 дней, при посещении 45 станков, сказал 45 поучений, а в зимнюю поездку — при посещении 142 чумов — 59 поучений» (Отчет комитета миссионерского общества, 1899, № 12–13, 33).

Благодаря длительному и постоянному общению с инородцами о. Василий смог значительно усовершенствовать свои знания местных наречий. Он основательно овладел остяцким языком, а в течение 1898 г., занимаясь изучением самоедского языка, достиг и в этом начинании заметных успехов. Это позволило ему включиться в переводческую деятельность, организованную членами миссии. В 1900 г. иером. Василий осуществил несколько собственных переводов. На самоедский язык он перевел молебен св. Николаю, а на остяцкий — «несколько разговоров, 5 поучений и 1–5 главы Евангелия от Матфея». За переводческие труды миссионера иером. Василию была выражена благодарность Комитета миссионерского общества с пожеланием «продолжать свою полезную деятельность» (Отчет комитета миссионерского общества, 1901, № 17, 26).

Наблюдая за религиозно-нравственным состоянием православных инородцев, иером. Василий прекрасно понимал, что просвещенные Святым Крещением остяки и самоеды мало чем отличаются от язычников. Причину этого печального явления он видел в разбросанности на неизмеримых пространствах тундры юрт полуседлого населения и кочевом образе жизни большинства инородцев, что не позволяло отцам-миссионерам часто посещать их, беседовать с ними, а потому и влиять на них должным образом.

Один из путей упрочения духовного влияния миссии на инородцев Обдорского края, обитавших далеко на востоке от Обдорска, правящие сибирские архиереи видели в необходимости устройства на «восточной полосе» севера Тобольской епархии миссионерского стана. Впервые этот вопрос поднимался еще в 1864 г., однако все предлагавшиеся проекты по разным причинам осуществлены не были.

Последний из проектов строительства миссионерского стана был разработан профессором Императорского Казанского университета А. И. Якобием по поручению епископа Тобольского и Сибирского Агафангела (Преображенского) в результате личного исследования края и в 1895 г. опубликован в «Тобольских епархиальных ведомостях» [Якобий, 1895]. В качестве места обустройства миссионерского стана проф. Якобий обозначил два возможных, на его взгляд, варианта: местность Шуга и долину реки Надым.

Для окончательного решения вопроса о месте организации миссионерского стана Тобольский комитет миссионерского общества поручил миссионеру иером. Василию в 1898 г. произвести тщательный осмотр местности Шуга и среднего течения долины р. Надым, где ранее проводил изыскания проф. Якобий.

С этой целью летом и зимой 1898 г. иером. Василий предпринял две продолжительные поездки в тундру. Результаты своих изысканий он изложил в двух

подробнейших докладных записках, предложив свой вариант устройства миссионерского стана: не в местности Шуга или долине р. Надым, а в юртах⁸ Хэ — месте, на его взгляд, более других отвечающем необходимым для этого условиям (Отчет комитета миссионерского общества, 1899, № 8, 16). Местность Хэ располагалась на южном берегу Обской губы. Еще с конца 80-х гг. XIX в. здесь существовало небольшое рыбацкое поселение.

Уже во время первой летней поездки в Надымскую местность о. Василий считал нецелесообразным размещение там миссионерского стана. По его мнению, эта территория была вполне пригодна для поселения на ней всех желающих заниматься промыслами, но для устройства миссионерского стана она не подходила. Уверенность в этом еще более окрепла в ходе зимнего посещения этой территории. Обосновывая несостоятельность строительства стана в Надымской местности, иером. Василий писал: «Жизнь здесь проявляется небойко в конце декабря и более оживленно в январе и феврале и притом не исключительно в одном месте, а на всем протяжении реки Яроди, всего до 50 семейств низовских самоедов и частью каменных, при этом здесь остаются только пастухи со стадами, а сами хозяева уходят в Обдорск на ярмарку. В марте инородцы снова все уходят, и, таким образом, в продолжении девяти месяцев жизни здесь совсем нет. Допустим, что в означенном месте образуется русское селение, или, точнее, зырянское. Что тогда получится? Получится приход, подобный Обдорскому, Мужам⁹ и др., и миссионеру придется исполнять требы не инородческие, а зырянские, учить больше детей не самоедских, а зырянских» [История Обдорской миссии, 1906, 160].

Кроме того, в качестве веского аргумента против строительства стана в долине Надыма иером. Василий приводил наличие больших препятствий в снабжении его всем необходимым для существования. Поскольку ни почва, ни климат здесь совершенно не пригодны для произрастания злаков, то доставлять хлеб и другие необходимые припасы приходилось бы из Обдорска, что значительно осложнялось дороговизной зимних перевозок и отсутствием безопасного летнего водного пути.

Обосновывая свое мнение относительно строительства стана в местности Хэ, о. Василий писал: «Мне все думается, что временное помещение для молитвенного дома, миссионера, толмача и школы с прислугой не только нужно, а настоятельно необходимо, и по возможности в непродолжительном времени, построить в Шуге или в Хэ; эти места по Оби находятся друг от друга в 10 верстах. Здесь жизнь кипит круглый год; есть постоянные жители, — признак желательной оседлости, — которые уже приучили к себе инородцев. Зимой инородцы в большинстве случаев прямо переходят с Хаманельской стороны на Хэ. Мы сами были очевидцами, как каждый день по несколько стад переходило через Обь; как только обоз инородческий перейдет, владелец оленей, пока устанавливает его чум, тотчас же приезжает в русское селение узнать новости, купить хлеба, чаю и пр. Я таким образом завел несколько знакомств с самоедами. В Хэ, во всякое время легко и не так дорого, можно доставить из Обдорска все необходимые припасы. Летом здесь опять кипит жизнь: много собирается инородцев рыбопромышленников. Миссионеру будет работы на дни и ночи: служить в церкви, да если еще на самоедском языке оглашать желающих креститься, учить детей, исполнять требы или те и другие поручения инородцев. Кроме того миссионер может выезжать с миссионерскою целью. Так как здесь вполне возможно иметь свое оленье стадо, то он на своих оленях может всегда посещать все те чумы, которые перейдут, и будет у самоедов желанным гостем; летом может сплавать в Инду, Таз и Находу» [История Обдорской миссии, 1906, 160–161].

Единственное неудобство размещения стана в Хэ о. Василий видел в том, что «нет вблизи достаточного количества травы для лошади и коровы; сено можно ставить только по берегу и по речке Шугинской, да нет поблизости удобного места

⁸ Юрт — единица административно-территориального устройства в местах проживания инородческого населения в Российской империи.

⁹ Мужы — село в Березовском округе Тобольской губернии, населенное в основном зырянами.

для стоянки больших судов». При этом он заключал: «Дров вдоволь, при постройке миссионерских помещений в этой местности жители и богатые тобольские рыбопромышленники сами примут деятельное участие, они дадут леса и помогут всем, что понадобится» (Отчет комитета миссионерского общества, 1899, № 10, 19).

Возражение о. Василия вызвала и идея проф. Якобия о разделении деятельности миссии на два направления — светское и духовное, и включении в состав миссионерского стана светского миссионера, ведающего делами благотворительности среди инородцев, осуществляющего их юридическую защиту, отстаивающего их права и интересы, оказывающего помощь больным, сиротам и престарелым, приучающего их к оседлости и ведению возможного в условиях Севера хозяйства. Несколько позже в журнале «Известия братства православной церкви в Китае» по этому поводу он напишет: «Но уже самая двойственность в составе членов миссии свидетельствует о невозможности для миссии предпочесть свои духовные сакраментальные задачи — целям культурным, экономическим. Миссия не отрицает забот об экономическом благосостоянии инородцев и, вообще, о благоустройстве их жизни, но не ставит эти задачи целью сами по себе. Она прежде всего заботится о религиозном просвещении инородцев и, как требует христианская любовь и благотворительность, пользуется всеми способами христианской культуры и в деле их земного благоустройства, в той мере и степени, в какой эти способы не противоречат христианству». Не отрицая участия духовных миссионеров в решении насущных хозяйственно-экономических и социальных проблем инородцев, он отмечал: «Благовестители Православной Церкви заботятся и о материальном благополучии инородцев, приучают их к оседлости, культурному хозяйству и промышленности, поскольку это необходимо для преуспевания их в вере. Поэтому нет необходимости навязывать миссии особого свойства элемент, тем более что инородцы при переходе к оседлой жизни уже сами, без посредства миссии, могут стремиться к лучшему образу жизни, как это делается среди всех наций» [Василий Бирюков, 1906а, 10–11].

Рассмотрев отчет иером. Василия, Тобольский комитет миссионерского общества 9 февраля 1899 г. постановил: «В выборе местности для будущего миссионерского стана, по тем соображениям и доводам, которые изложены о. миссионером Василием в его отчетах о 2-х поездках, нельзя не согласиться... а потому Комитет определил: теперь же поручить епархиальному архитектору Цинке, по тем рисункам, которые представил о. Василий, составить технический проект в 2-х экземплярах на молитвенный дом и помещения для миссионеров, а также и смету на потребный лес; проекты препроводить по принадлежности в Строительное Отделение Губернского Управления, а смету на лес в Управление Государственных Имуществ Тобольской губернии и по вопросу об обращении в собственность Миссионерского Общества местности Хэ, снести с Управлением Гос. Им. Тобольской губернии, а также с гражданским Начальством об устройстве в этой местности магазина для продажи инородцам потребностей первой необходимости — хлеба, пороха, свинца и т.п.» (Отчет комитета миссионерского общества, 1899, № 10, 19).

Однако практическое воплощение принятого комитетом постановления пришлось отложить до лета в связи с особым мнением по этому поводу настоятеля Обдорской духовной миссии иером. Иринарха. Он усомнился в перспективности предложенной иером. Василием для реализации проекта местности Хэ и потребовал оставить открытым вопрос о месте для постройки стана до нового исследования миссионерами.

Летом 1899 г. было проведено новое обследование местностей Хэ, Шуги и Надыма. В нем вместе с иером. Василием участвовал сам настоятель миссии. По завершении экспедиции о. Василий остался при своем прежнем мнении, а иером. Иринарх со священником-миссионером Иоанном Егоровым категорически высказались за устройство стана в долине реки Надым.

Заслушав новые доклады, Тобольский комитет православного миссионерского общества «нашел вопрос о местности для нового миссионерского стана достаточно исследованным, так сказать, исчерпанным». В его журнальном постановлении

от 9 сентября 1899 г. решение было принято «в пользу русского селения Хэ». Кроме того, было определено, чтобы «новый Хэнский стан был подчинен настоятелю Обдорской миссии и всю отчетность по стану и вообще все делопроизводство стан вел, в порядке подчиненности через настоятеля Обдорской миссии». Строителем Хэнского миссионерского стана был назначен иером. Василий, которому и поручено было по своему усмотрению на месте организовать нужный строительный комитет [История Обдорской миссии, 1906, 160–161].

В 1899 г. за «проповедническую деятельность и дальние поездки по устройству нового миссионерского стана с церковью и школой» иером. Василий был награжден набедренником.

На правом берегу Обской губы, приблизительно в 300 верстах от Обдорска, были заложены два деревянных здания для молитвенного дома и небольшой школы с помещениями для проживания миссионера и псаломщика. Одновременно строитель стана по всей епархии собирал необходимую для будущего молитвенного дома утварь, обратившись через Комитет миссионерского общества в Тобольскую духовную консисторию с просьбой сделать циркулярное распоряжение всем приходам о высылке для молитвенного дома в Хэ «богослужбных книг, церковных облачений, священно-богослужбных сосудов, евангелий, крестов, св. икон и т.п. церковной утвари, излишней в церквях Тобольской епархии» (Отчет комитета миссионерского общества, 1901, № 17, 26–27).

Летом 1900 г. были закончены вчерне постройки нового стана Обдорской духовной миссии (Отчет комитета миссионерского общества, 1901, № 17, 27–28), который в официальных документах стал именоваться «Никольским миссионерским станом в Хэ». В 1901 г. по ходатайству Комитета миссионерского общества для молитвенного дома в Хэ из хозяйственного управления при Св. Синоде был выслан полный круг богослужбных книг. В грядущем 1902 г. комитет планировал окончательно привести в должный вид возведенные здесь постройки — молитвенный дом, здание школы и помещения для миссионера с псаломщиком (Отчет комитета миссионерского общества, 1901, № 5, 49).

В ходе строительства стана иером. Василий через Комитет миссионерского общества обратился к губернским властям с предложением открыть в Хэ врачебный пункт с фельдшером. По его просьбе было возбуждено необходимое ходатайство перед врачебным отделением Тобольского губернского управления, по распоряжению которого в качестве первого шага была бесплатно отпущена небольшая аптечка с лекарствами (Отчет комитета миссионерского общества, 1901, № 17, 27–28).

Другой важной проблемой деятельности нового миссионерского стана, которую предстояло решать о. Василию, стал вопрос об организации продовольственного обеспечения инородцев местности Хэ. Одним из видов этой помощи он считал устройство казенных торговых магазинов при отдаленных миссионерских станах, которые освободили бы коренное население от гнета колонизаторов «различных мастей», очевидно, имея в виду баснословное завышение цен, обман, спаивание и др. методы обогащения, постоянно ими применяемые (Отчет комитета миссионерского общества, 1903, № 5, 46).

Поднятый о. Василием вопрос был рассмотрен на одном из заседаний Тобольского губернского управления, которое «с положительностью высказалось за открытие магазина в миссионерском стане Хэ». Это предложение, по мнению тобольского вице-губернатора, являлось вполне резонным как по причине отдаленности миссионерского стана от Обдорска, так и по «экономическому состоянию разбросанных кругом его полукочевых инородцев, и образу жизни и каменных самоедов полуострова Ямала, ежегодно перекочевывающих через Обскую губу и посещающих Хэ» (Отчет комитета миссионерского общества, 1903, № 5, 46–47).

В начале 1901 г., завершив все основные организационные и хозяйственные мероприятия, иером. Василий приступил к осуществлению своей миссии. Первую миссионерскую поездку из нового стана к верховьям р. Пура он совершил в период

с 25 февраля по 3 марта. Целью ее было выяснение маршрутов передвижения кочевых самоедов в районе местности Хэ (Отчет комитета миссионерского общества, 1903, № 5, 45).

Из этой своей поездки о. Василий вынес самое отрадное впечатление. В своем дневнике он пишет, что «низовские самоеды многим различаются от всех других инородцев Обдорского участка, — это народ прежде всего состоятельный, каждый хозяин — владелец большого стада оленей, народ крепкий, здоровый, энергичный, чумы у них хорошие, теплые, и о. миссионер в первый еще раз только среди низовских самоедов встретил полное радушие и гостеприимство, нигде не было отказа в подводе. Насколько низовские самоеды расположены слушать православную проповедь, можно судить по тому, что в эту поездку дали обет принять таинство св. крещения 8 семей» (Отчет комитета миссионерского общества, 1903, № 5, 45).

Также отцу-миссионеру удалось найти среди крещеных самоедов желающих стать членами попечительского совета нового миссионерского стана. Беседа в стойбищах с инородцами, он просил их предложить несколько кандидатов на эту должность, на что те охотно отозвались и указали на самоедов старшину Иоанна Евфимиева рода Яр и Павла Андреева рода Худи. Иеромонах Василий разыскал этих людей, разъяснил им значение деятельности церковного попечителя и взял с них подписки о согласии занять эти должности. Позже «Тобольские епархиальные ведомости» информировали своих читателей, что при миссионерском Николаевском стане Обдорской миссии в местности Хэ открыто приходское попечительство «в составе членов-самоедов: Иоанна Яр, Павла Худи и Павла Яптик» [Тобольск. епарх. вед., № 15, 292].

О завершении своей первой миссионерской поездки о. Василий писал в своем дневнике: «В короткое время мы доехали до вершины реки Пура; оказалось, что инородцы поднимаются со стадами не на север Тазовского полуострова, а придерживаются южной его части — границы леса, годного для топлива, и на лето делают остановку вблизи рек Пура и Таза, где и промышляют себе рыбу. Мы желали достигнуть реки Таза, но пришлось отклонить нашу поездку дальше вследствие того, что позади нас чумы инородцев спешно уходили, и на обратный путь нам не было бы оленей, да и ключи начинали уже вскрываться» (Отчет комитета миссионерского общества, 1903, № 5, 45).

Вторая миссионерская поездка была осуществлена с 21 по 27 апреля. Целью ее было посещение южной части полуострова Ямал, за р. Яда, несколько ниже бухты Находка. В эту поездку отец-миссионер, выехав из Хэ, пересек р. Обь и последовал к так называемой Калистратовской реке на противоположную Хэ Хаманельскую гору. После ночевки там он посетил местность Ярсали и оттуда отправился за р. Яда, останавливаясь во встречавшихся по пути чумах. Несколко ниже бухты Находка он также обнаружил большое число чумов. Оказалось, что обитавшие там каменные самоеды вблизи устья р. Яды добывают рыбу сетями подо льдом и затем отходят со своими стадами оленей вглубь полуострова Ямал. Ввиду быстро наступившей распутицы отцу-миссионеру не удалось посетить все чумы, и он вынужден был возвратиться в Хэ прямой дорогой через Обскую губу. Результатом этой поездки стали важные для дела миссии сведения об особенностях территории, на которую распространялась ее деятельность. В частности, иером. Василий выяснил, что напротив местности Хэ в южной части Обской губы лежит не один только остров Малые Наречи, а целая группа островов: Большие Наречи, Юба, Ворня, Мура, Лаи, Хаманель, Индки, Яровое, Ярсали, Нижний островок и др., что значительно меняло имевшиеся ранее представления о местах обитания самоедов Ямала и путях их перекочевок, а также вносило важные коррективы в разработку маршрутов будущих миссионерских поездок (Отчет комитета миссионерского общества, 1903, № 5, 46).

Результаты деятельности иером. Василия позволили Тобольскому комитету миссионерского общества в своем отчете за 1901 г. заключить: «Таким образом, новоустроенный Никольский миссионерский стан в Хэ, находящийся в центре нижне-обского инородческого населения, для миссии открывает широкое поле

деятельности, как в самом стане, так и вне оно» (Отчет комитета миссионерского общества, 1903, № 5, 48).

Служение о. Василия в Западной Сибири завершилось совершенно неожиданно: летом 1901 г. он оставляет миссию, покидает Обдорский край, отправляется в столицу империи, где поступает на первый курс СПбДА. Сведений о том, что послужило причиной такого решения в самый разгар деятельности созданного им миссионерского стана, нами пока не обнаружено. Возможно, это было связано с ухудшением состояния его здоровья в условиях сурового северного климата: известно, что будущий владыка с детства страдал пороком сердца, а позже и сахарным диабетом (РГИА. Ф. 796. Оп. 203. Д. 8. Л. 19). Но, очевидно, могли быть и другие причины.

Своеобразным итогом миссионерской деятельности иером. Василия, будущего епископа Рыбинского, vicария Ярославской епархии, в Обдорской духовной противоязыческой миссии на севере Тобольской епархии стало кандидатское сочинение (диссертация) на тему «Православное миссионерство в Западной Сибири», написанное им на завершающем четвертом году обучения в СПбДА. Оно состояло из четырех глав и освещало историю православного миссионерства в Сибири от истоков до начала XX в. Давая общую оценку этой работе, ординарный профессор СПбДА П. Н. Жукович отмечал несомненный характер ее «интересной научной новизны» и рекомендовал к защите как заслуживающую «особого внимания Совета академии» (Журналы, 1905, 328). Результатом защиты диссертации было присуждение в 1905 г. ее автору степени кандидата богословия.

На основе материалов своей кандидатской диссертации иером. Василий в 1906 г. подготовил и опубликовал в журнале «Православный благовестник» две объемные статьи. Первая из них, «Состояние православного миссионерства в Западной Сибири после митрополита Филофея (Лещинского) до начала XIX века», была посвящена истории православной миссии в Тобольской епархии в период с 1721 по 1802 гг., с начала архиерейства митр. Антония I (Стаховского) и заканчивая архиепископством Варлаама (Петрова) [Василий Бирюков, 1906в].

Вторая — «По поводу «Истории Обдорской миссии» (1854–1904 г.)», явилась своего рода отзывом на недавно опубликованный в «Православном благовестнике» большой труд игум. Иринарха (Шемановского), посвященный 50-летию со дня основания Обдорской духовной миссии. В статье о. Василий значительно дополнил историю Обдорской миссии ранее неизвестными документами архива Св. Синода, ликвидировав тем самым многочисленные лакуны работы игум. Иринарха [Василий Бирюков, 1906б].

Таким образом, миссионерское служение иером. Василия (Бирюкова), будущего епископа Рыбинского, vicария Ярославской епархии, было результатом его духовного выбора. Чувства христианской любви и сострадания ближнему не смогли оставить его равнодушным к судьбам малых народов Крайнего Севера и сподвигли на их просвещение светом христианского учения. Важнейшим результатом этой деятельности стало создание нового стана Обдорской духовной миссии в местности Хэ, первым миссионером которого ему выпало быть.

Никольскому миссионерскому стану в местности Хэ еще долгое время суждено было продолжать служить целям миссии, оправдывая свое предназначение. Посетивший в 1908 г. эти места известный писатель и исследователь тобольского севера А. А. Дунин-Горкавич отмечал, что «открытие этого миссионерского стана явилось выдающимся событием из жизни миссии», и выражал уверенность, что и в будущем он будет занимать «подобное ему первенствующее место» [Дунин-Горкавич, 1908, 81–82]. Никольский миссионерский стан в местности Хэ был закрыт большевистскими властями в 1919 г.

Опыт служения, приобретенный иером. Василием в Западной Сибири, не прошел бесследно: в последующие годы он нашел продолжение в его трудах в качестве строителя и организатора деятельности Санкт-Петербургского подворья Пекинской духовной миссии, а затем и действительного члена Пекинской миссии в Китае.

Источники и литература

Источники

1. ГАЯО — Государственный архив Ярославской области. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5254.
2. Журналы (1905) — Журналы заседаний совета Санкт-Петербургской духовной академии за 1904–05 учебный год // Приложение к журналу «Христианское чтение». СПб.: Тип. М. Меркушева, 1905. С. 327–328.
3. Известия (1898) — Епархиальные известия // Тобольские епархиальные ведомости. Официальный отдел. 1898. № 6. С. 68–70; № 7. С. 75–77.
4. Отчет комитета миссионерского общества (1897) — Отчет Тобольского епархиального комитета Высочайше утвержденного миссионерского общества за 1896 год // Тобольские епархиальные ведомости. Приложение. 1897. № 10. С. 158–166.
5. Отчет комитета миссионерского общества (1899) — Отчет Тобольского епархиального комитета Высочайше утвержденного миссионерского общества за 1898 год // Тобольские епархиальные ведомости. Приложение. 1899. № 7. С. 1–8; № 8. С. 9–16; № 10. С. 17–24; № 11. С. 25–32; № 12–13. С. 33–50.
6. Отчет комитета миссионерского общества (1901) — Отчет Тобольского епархиального комитета Высочайше утвержденного миссионерского общества за 1900 год // Тобольские епархиальные ведомости. Приложение. 1901. № 17. С. 25–32.
7. Отчет комитета миссионерского общества (1903) — Отчет Тобольского епархиального комитета миссионерского общества за 1901 год // Приложение к журналу «Православный благовестник». 1903. № 5. С. 43–50.
8. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 203. Д. 8; Оп. 439. Д. 197.

Литература

9. Александр Заркешев (2002) — *Александр (Заркешев), игум.* Русская Православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001 гг.). СПб., 2002. 135 с.
10. Василий Бирюков (1906а) — *Василий (Бирюков), иером.* О сущности православно-русского миссионерства // Известия братства православной церкви в Китае. Вып. 31. Пекин, 1906. С. 8–16.
11. Василий Бирюков (1906б) — *Василий (Бирюков), иером.* По поводу «Истории Обдорской миссии» (1854–1904 г.) // Православный благовестник. 1906. № 6. С. 252–259; № 7. С. 308–312; № 8. С. 350–355.
12. Василий Бирюков (1906в) — *Василий (Бирюков), иером.* Состояние православного миссионерства в Западной Сибири после митрополита Филофея (Лещинского) до начала XIX века // Православный благовестник. 1906. № 3. С. 107–115; № 4. С. 165–170; № 5. С. 216–224.
13. Герасим Дьячков (2012) — *Герасим (Дьячков), игум.* Белевский Спасо-Преображенский мужской монастырь Тульской епархии: история, архитектура, святыни: Автореф. дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2012. 34 с.
14. Головин (1898) — *Головин П. Д., прот.* Иеромонах Василий // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1898. № 9. С. 241–244.
15. Дунин-Горкавич (1908) — *Дунин-Горкавич А. А.* Нужды Тобольского севера и меры для их удовлетворения // Памятная книжка Тобольской губернии. Издание Губернского Статистического Комитета. Тобольск: Губернская тип., 1908. С. 1–87.
16. Епископ Рыбинский (2011) — Епископ Рыбинский Василий (Бирюков) // Слобода. 2011. № 3. С. 17–18.
17. История Обдорской миссии (1906) — История Обдорской духовной миссии: 1854–1904 г. / Сост. настоятель Обдорской миссии иеромонах Иринарх. М.: Печатня А. И. Снигиревой, 1906. 192 с.

18. Об открытии инородческого отделения (1892) — Об открытии при Тобольском Знаменском монастыре инородческого отделения образцовой при семинарии школы // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1892. № 5–6. С. 132–133.
19. Поездка по епархии (1897) — Поездка Преосвященного Антония по епархии // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1897. № 24. С. 620–621.
20. Софронов (1998) — *Софронов В.* Епископ Антоний IV (1897–1910) // *Софронов В.* Светочи земли Сибирской: Жизнедеятельность митрополитов, архиепископов и епископов Сибирских и Тобольских (1620–1918 гг.): Монография. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1998. 263 с.
21. Софронов (2005) — *Софронов В. Ю.* Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (конец XVII — начало XX вв.). Тобольск, 2005. Ч. I. 144 с.
22. Тобольск. епарх. вед. (1901) — Тобольские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1901. № 15.
23. Якобий (1895) — *Якобий А. И.* О миссионерском стане в стране Надым и о возможной постановке христианской миссии в странах русского инородческого севера // Тобольские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1895. № 7–8. С. 129–147; № 10. С. 177–186; № 11. С. 193–205; № 12. С. 215–223.